

Вера Камша

ИРОНИЧЕСКИЙ КРИМИНАЛ В ЖЕНСКОМ ИСПОЛНЕНИИ

Дарья Донцова не считает писательство работой.

Это ее хобби

-4 ЕХОВ и Булгаков пришли в литературу из медицины, а вы откуда?

— Я происхожу из журналистов, а конкретно из газеты «Вечерняя Москва». Пристрастие же к детективам во мне взросло и окрепло, так сказать «от противного».

— ?!

— Меня воспитывали в «доксальном» духе. Мама была вечно убеждена, что право на существование имеет лишь классика. Если музыка, то это Бах, Бетховен, Гендель, на худой конец — Прокофьев. К литературе же относятся Лев Толстой, Чехов, Бунин, Куприн, Золя и лица, к ним приравненные. Впрочем, Золя ребенку читать не давали. Разрешался Вальтер Скотт, но вот Дюма уже считался не комифло.

— А современная литература тоже «отменялась»?

— Нет, поскольку мой папа был писателем, мне пришлось одолеть весь набор обязательной советской литературы, начиная от панферовских «Брусков». Зато если мама видела у меня в руках что-то из редких отечественных детективов, мне изрядно доставалось. Так я и росла, пока в возрасте одиннадцати лет не оказалась в Германии, где как раз издавали папу. Там мы с его издателем Отто Загнером вошли в магазин, и я увидела множество книжек с кровавыми кинжалами и большими револьверами на обложках. Меня это просто потрясло. Чувства свои я скрыть не могла, и Отто подарил мне целый кофр «криминального читав».

Я по несколько раз перечитала всю классику жанра от Честертона до Дика Френсиса. Другое дело, что я не могу писать ни как Чейз, ни как Френсис.

— То, что вы пишете детективы, понятно и объяснимо. Но почему иронические?

— Сказалось какое-то несерьезное отношение к жизни, которое во мне всегда присутствовало, потому и героини у меня немножко нелепые и легкомысленные. Сама я ни из чего и никогда не делала драмы. Даже когда это стоило сделать хотя бы для разнообразия. К тому же я ужасно люблю Хмельскую, на которой и выучилась основам жанра, ведь у нас в Союзе, простите, я хотела сказать в России, в этом стиле никто не писал. Жанр триллера, психологического или исторического детектива освоили довольно быстро, а вот юмора не хватало. Зато возникла и сразу же завоевала популярность серия, в которую вошли Хмельская, Нейо Марш и Джорджетт Хейр. Я же до того, как начала активно писать, была очень вездельным читателем. Это потом я поняла, что сочинять самой намного интереснее, чем читать.

— Судя по всему, вы предпочитаете продукты дамского творчества?

— Если говорить о современном детективе, то да. Мужчины пишут уж больно кроваво.

Мне очень нравится Таня По-

лякова. Она, пожалуй, мне ближе всех по духу, ее романы вполне можно называть ироническими детективами. Я ценю Дашкову, она хороший стилист, ее тексты приносят истинное удовольствие. Мне ужасно интересен Акунин. Хотя он и принадлежит к сильному полу, но в натурализм и жестокость не ударился. Это вообще богатейшая идея — писать ретро-детектив, к тому же у Акунина изумительный язык.

И, конечно же, я люблю Маринину за то, что она пишет то, что сейчас практически пропало, а именно хороший, советский детектив, на котором мы все выросли. Она продолжает традицию Адамова и Леонова, а это именно то, к чему привык наш читатель, что ему близко, хорошо, приятно. Мне нравится и ее героиня Камарская со своей больной спиной и нежеланием готовить, и то, что Маринина не льет помой на миллию.

Кроме того, я благодарна Марининой за то, что она пробрала стенку, на которой крупными буквами было написано: «Наши бабы детективы не пишут!»

— Но ведь женщины всегда писали детективы, возьмите ту же Агату Кристи или же Нейо Марш...

— Это «там» женщины писали, а у нас — извините! Я в этом убедилась на собственном опыте. Я ведь свой первый детектив сотворила в 1979 году и принесла в журнал «Юность». Там отделом прозы заведовала Мэри Озерова, которая для меня в силу того, что папа был не только писателем, но и секретарем парторганизации, была просто тетя Мэри. Она полистала что я написала, и сказала, что в принципе вроде бы и ничего, но вообще-то публиковать нельзя.

— Почему?

— Я тоже спросила: «Почему?», а она мне: «Ты что, деточка. Женщины криминальные романы не пишут. Хочешь писать, пиши про рабочий класс!»

— Вы не последовали этому ценному совету?

Последовала! Я даже поднялась на третий этаж нашего же писательского дома, где жил известный бытописатель сталеваров. Он с готовностью объяснил мне, как работает мартен, и я честно написала повесть, с которой и отправилась к тете Мэри. Она снова полистала, да и говорит: «Выйди вон! У тебя на пятьдесят пятой странице убивают директора мартена, а на семьдесят пятой его же-

Донцова известна широкому читателю сравнительно недавно, но за это время писательница успела опубликовать 17 романов и снискала интерес и популярность у разбалованного разнообразием нынешнего книжного рынка читателя. Работает Донцова в жанре так называемого иронического детектива, который от детектива обычного отличается тем, что в нем даже самые жуткие злодеяния не вызывают желания немедленно спрятаться под кроватью, следствие же ведут не знатоки и супергерои, а дилетанты и чаще всего дилетантки. Правда, ужасно активные и симпатичные.

Дарья Донцова с любимой Клеопатрой на руках.

на прыгает из окошка. Что ты мне опять принесла?!

В этот трагический миг я и осознала, что не могу и никогда не смогу писать по-другому. Я не умею «держать» читателя ни нравственными рассуждениями, ни описаниями природы, ни философскими раздумьями — у меня их просто нет, поэтому мне нечем поделиться. Я могу заинтриговать только одним — кто убил, зачем убил, куда пошел.

— Если можно, расскажите, как вы работаете над книгами?

— Я не считаю писательство работой. Это мое хобби, а работа — преподавание немецкого языка.

Когда я прихожу домой и беру за ручку, я отдыхаю. Муж говорит, что я ловлю кайф от пишущей ручки и что он такого никогда не видел. Вы не представляете, какое это радостное, счастливое состояние. Вероятно, это генети-

ческое. От деда остались целые стопки тетрадей, настоящий документ эпохи, который он мужественно создавал под ворчанье жены, так как перо, бумага и лишний керосин для них были дорогим удовольствием. Но дедушка был готов отказаться от чего угодно, но не от писания и передал свою страсть по наследству. У моего отца это вылилось в писательство без образования. Впрочем, тогда и института Литературного не было. Когда отец в 1927 году начинал работать в газете, ему было двадцать лет, у него не было почти никакого образования, но было желание писать, писать и писать...

— Институт может сделать человека инженером или учителем, но писателем или поэтом...

— Действительно, Литературный институт еще никого великим писателем не сделал. Ни Чехов, ни

Куприн, ни Бунин, ни Достоевский его не заканчивали, зато множество получивших высшее литературное образование дружно канули в Лету. Тем не менее Литинститут дает общую базу для человека, который хочет владеть словом. Я не понимаю, как можно писать, не имея определенного багажа. Я не имею в виду чистую теорию, можно не отличать анапест от амфибрахия, но нужно знать Пушкина, Киплинга, Лорку.

Я убеждена в одном — человек, который собирается работать в журнале, в газете или писать книги, должен иметь какую-то гуманитарную базу. Где и как он ее получит, не важно...

— Но вернемся к вашим книгам. Как все же они рождаются?

— У меня такое ощущение, что кто-то водит моей рукой.

Я вижу картинку. Можете меня считать городской сумасшедшей, но это так. Передо мной проходит как бы видеоряд. И в этом видеоряду происходят какие-то события, слышатся голоса, мелькают совершенно конкретные лица, пейзажи, интерьеры. Если я вижу дом, то во всех подробностях могу рассказать, какие там потолки, где на обоях трещина, чем облицованы кухни и так далее. В первый раз я оказалась в этом состоянии в больнице, в реанимации, где и начала писать.

Я не знаю механизма того, что происходит в моей голове. Могу описать лишь результат. Наверное, мне достался от родителей соотвествующий генетический набор, а остальное — следствие операции, когда мне тактично сообщили, что я умру. Меня это капитально встрянуло, и пошло-поехало... Такое часто случается. Называется оно измененным сознанием и посещает людей в переломные моменты. Это может быть клиническая смерть, удар током, просто какой-нибудь шок, после чего в человеке что-то сдвигается, он перескакивает на какой-то другой уровень восприятия.

Реанимация, надо вам заметить, место весьма неприятное. Представьте себе кучу народу, исполняющую вариации на тему «мы все сейчас умрем».

Представляете настроенные? И тут приходит муж, приносит бумагу и ручку и вручает мне со словами: ты давно говорила, что хочешь писать — пиши! И я стала писать, для меня это стало способом выжить. А потом была лучшая и химиотерапия. Такого удовольствия и врагу не пожелаешь! Я год просидела в обнимку с уни-

тазом, но чем гаже мне делалось физически, тем веселее я писала. Одна из самых моих веселых книжек «Дантисты тоже планут» делалась как раз на первом курсе химиотерапии, когда я двигаться не могла.

— Но теперь вы вполне здоровы, а книги идут одна за другой. Если я не ошибаюсь, под вас специальную книжную серию сделали?

— Да, в издательстве «ЭКСМО», за что я им очень благодарна. Я же за это время умудрилась взнуздать свои паранормальные способности. Сначала я своими картинками управлять не могла. Если меня отвлекали или я ленилась записывать, у меня из рукописи выпадал целый кусок, который очень трудно было восполнить. Зато теперь я гоняю свои «фильмы» туда-обратно, останавливаю отдельные кадры, общаюсь с героями — что-то у них выпрашиваю, спорю с ними, чуть ли не ругаюсь. Причем мне совершенно все равно, где я их увижу: дома, на улице, в метро. Единственное условие, чтобы меня в этот миг не дергали. Если в этот момент кто-то войдет в комнату и потребует обед, все — я из состояния творчества вываливаюсь, а потом приходится «крутить назад».

— Судя по обилию ваших романов, вы работаете прямо-таки с курьерской скоростью...

— Моя норма — 15 страниц в день. В среднем книга — это 350 страниц, потом я ее неделю правлю, отдаю наборщице (я пишу от руки), и еще три-четыре дня уходит на вычитку. Это ритм, который устраивает и издательство, и меня, а там посмотрим, что будет.

— А над сюжетом вы когда и как работаете?

— Возможно, это покажется глупостью, но я все делаю одновременно. Когда я начинаю книгу, то не знаю, чем все кончится. У меня бывали моменты искреннего удивления, когда, скажем, на двухсотой странице оказывалось, что виноват совсем не тот человек, на которого я грешила в начале. Когда же начинаешь вычитывать рукопись, выясняется, что с самого начала все складывалось именно против того, кого нужно. Не знаю, как это у меня выходит. Это что-то интуитивное.

— Да, столь мощное воображение писателя-беллетриста редкостная удача...

— Безусловно, хотя иногда это мешает. Недавно по моей книжке «Хобби гадкого утенка» сделали радиоспектакль. Все были в восторге, дети визжали и пищали, все подружки звонили, восхищались, как великолепно читают актеры, а я была в шоке, мне все казалось не таким, неправильным. Потом я поняла, в чем дело. Актеры говорили другими голосами, не теми, которые я слышала, когда работала.

— Считается, что экранизация всегда хуже первоисточника...

— Мне кажется, все дело в том, с каким настроением пишутся книги и снимаются фильмы. То, что делается с удовольствием, с душой, обычно получается хорошо.